

Алексей Машевский

БЛИЗКОЕ НЕБО

Стихи 2020–2024 годов

Санкт-Петербург
2025

ББК 83.014.5
М38

Машевский А. Г.
М38 Близкое небо. Стихи 2020–2024 годов. — СПб.: Изда-
тельско-полиграфическая компания «КОСТА», 2025. —
100 с.
ISBN 978-5-91258-530-2

В оформлении книги использован рисунок
Владимира Паршикова.

Автор выражает благодарность за помощь
в подготовке книги Ростиславу Домжо, Владимиру Паршикову
и всем друзьям, финансово поддержавшим это издание.

ISBN 978-5-91258-530-2

© А. Г. Машевский, 2025
© ИПК «КОСТА», оформление, 2025

В ранних стихотворениях Алексея Машевского лирический субъект смотрел на мир с жадным, почти исследовательским любопытством. Ночное дежурство в лаборатории, разговор по телефону, поездка в пригородной электричке, пребывание в больнице — эти и другие частные проявления жизни служили поводом к размышлению о ее неизменной, подлинной основе. Продолжением того же неустрашимого интереса к жизни, на этот раз в его более рафинированном, культурном варианте, можно считать циклы и отдельные стихотворения, посвященные встречам с произведениями искусства в Италии, Греции, Испании, Германии, Англии, Соединенных Штатах и Египте.

В новых стихах Алексея Машевского лирический субъект как будто освобождается от огруженности культурой. Точнее сама культура становится для него естественной средой, второй природой. Поэтому ель, лапчатка, бабочка оказываются не менее «смысловыми», чем картина Веласкеса или античная статуя Посейдона. Можно сказать, что стихи этой книги тоже свободны — от демонстративного мастерства создавшего их автора. Алексей Машевский не настаивает на своей версификационной продвинутости, его стихи выглядят какими-то безоружными в сравнении с виртуозными творениями некоторых из наших современников. Тем более чутко и внимателен должен быть читатель, чтобы уловить тихие, порой весьма нетривиальные ходы, которыми пользуется поэт.

Меньше всего Алексей Машевский заботится о том, чтобы создать свой собственный, узнаваемый стиль. Один из рецензентов даже пошутил, что стихи Машевского похожи на всю русскую поэзию сразу. Это скорее комплимент. Только урод абсолютно неповторим. Современное модернистское сознание, которое оценивает произведение, исходя из критериев новизны и уникальности, в итоге культивирует каких-то компрачиков, из-за чего красивых авторов сейчас очень немного. Алексей Машевский — красивый поэт.

Как показывает компьютерный подсчет, самое часто встречающееся существительное в его книге — «жизнь». Думаю, именно интерес к жизни в ее бытовом, культурном и, наконец, в предельном, экзистенциальном качестве и составляет главное содержание поэзии Машевского.

Данила Крылов

* * *

В обитель дальнюю трудов и чистых нег,
Вот, видишь, — нас с тобой спровадила зараза.
Приехали во тьме, шел дождь и мокрый снег,
Но делалось в душе покойней час от часа.

Не знаю, как-то здесь отчетливей видны
Сращенья всех начал и всех концов итоги.
Днем майским небеса безоблачно-бледны,
И голые стволы деревьев у дороги.

Ничем бы не хотел я тайный перебить
Из дремы их позыв и к жизни пробужденье.
Как иногда легко и сладко просто *быть*,
Страхнув с себя забот и мыслей наважденье.

А неги чистые и честные труды —
О, не пекись о них! Ничто не остается...
И наполняет слух лишь талый шум воды,
Воды, что по весне бесцельно просто льется.

* * *

Не болдинские карантинны,
Холерно-творческие сны...
У нас здесь в Низовской картины
Коронавирусной весны.

За тридцать-сорок верст от Луги,
Преобразуя дачу в скит,
Мы посвятим свои досуги
Тому, что Бог определит.

Вставать не поздно и не рано,
С рассадой на грядке днем,
А вечерами у экрана
Айфона. — Так, глядишь, вдвоем

Переживем и эти смуты,
И старость, что подкравшись к нам,
Упорно ждет своей минуты,
Бубня, косясь по сторонам.

* * *

Так рано никогда нас не встречала дача.
Нам месяцев на пять здесь обрести покой,
Из связей выпасть всех, судьбу переиначив:
Ни страхов, ни забот, и цели никакой.

Следить за тем, как жизнь опять в права вступает
С оттаявшей весной, как аисты гнездом
Своим увлечены, как бабочка порхает
Откуда ни возьмись, и шмель летит с трудом.

В природе важно все, а мы теперь — природа,
Растительная жизнь, полнейший карантин,
Быть может, навсегда, быть может, на полгода.
Пусть дух наш не смутит предвестник ни один.

Как будто все сбылось: от уз земных уставшей
Душе подарен был какой-то детский сон
О канувшей мечте, свободе запоздавшей...
И вот — теперь следи — все длится, длится он.

* * *

А на нынешний май на Болоню опять
Обсуждали мы планы всерьез.
Жалко купленных было тюльпанов. — Их пять,
Пять сортов из Гааги привез.

Отцветут без меня — и в который уж раз.
Глупо! — Денег потрачено, сил...
Но случился ковид-19 и нас
В мае на карантин посадил.

Здесь, на даче, должно быть, не хуже, чем там —
Синей Умбрии тающий вид.
Открываю на лоджию дверь по утрам,
И нахлынувший воздух пьянит.

Тихо; солнце как будто сшивает иглой
Золотою холсты синевы.
Самый верхний земли неочнувшейся слой
Уже пятнами тронут травы.

И как выйдешь воды из колодца набрать —
Мимо клумбы, вдоль желтой стены —
Видишь: вот, раскрывают бутоны, все пять,
Пять сортов из далекой страны.

* * *

Весь в белой пене тернослив,
И неба синева сквозная...
Здесь, ни добра, ни зла не зная,
Нам быть велели, посулив

Блаженство вечное. В Эдем
Вернувшись Адаму с Евой
Играть в весенние посевы,
С природой слившись насовсем.

Участок в двадцать соток — рай,
Здесь гложет связь от Мегафона,
И только шепчут потаенно
Кусты: живи, не умирай!

Коронавирус не изжит
Пока. Нам всем простили что ли
Грехи? И выход в мир юдоли
Архангел в маске сторожит.

* * *

А наутро все было в снегу:
В мае, после бесснежной зимы!
Как тюльпаны ночную пургу
Пережили, не ведаем мы.

Под порошею прячет трава
Свой атласный, зеленый отрез.
Жизнь, ожившая лишь, ты жива,
Пялясь слепо в пустыню небес?

Так, должно быть, в палате больной
После перипетий с ИВЛ
Вновь пытается с клеткой грудной
Совладать — как же он ослабел!

Безучастно склоняясь над ним,
В окна серый сочится рассвет,
Словно сделались чем-то одним
Жизнь и смерть, словно разницы нет.

* * *

Ближе к вечеру выйдешь: крыльцо
Холодеющий свет золотит,
С поля дальнего — ветер в лицо,
И размашисто птица летит.

Этот нервный, неровный полет,
Эта необозримая высь,
Что очнуться тебе не дает,
И внимая ей, шепчешь: «Очнись!»

Невозможно представить, что весь,
Весь тот мир, что в себе я ношу,
Беспризорно останется здесь —
Здесь!.. А я уже там, не дышу...

Так и будете, ветки осин,
Без меня, распростершись, шуметь,
Так и будешь без всяких причин
С тьмой бороться, закатная медь?!

* * *

Деревья умирают стоя,
Сил исчерпав своих запас.
Чего хочу я, жду чего я
От ожидающего нас?

Чтобы набухли почки снова?
Чтоб почерневший ожил ствол?
На ИВЛ-е у больного
Мешки раскрылись альвеол?

Все слишком поздно, слишком рано,
Мы не успеем, умерев...
Торчат из пелены тумана
Сухие остовы дерев.

Пожарища или болота...
Ковчег построить? — Из чего!?
Ни Ноя нового, ни Лота,
Ни вновь распятого Его!

* * *

Как славно, что А. С. не ведал интернета
И, в болдинском плену освоивши фейсбук,
Скучая, на свои посты не ждал ответа,
Не заводил себе аккаунт miliy_drug!

Не сбросит Вульф ему неожиданно сплетню в чате,
И фотку не пришлет в WhatsApp-е Натали.
Приходится бродить с собакой на закате
Да сочинять стихи о смерти, о любви.

А нам теперь — увы — тот недоступен гулкий
Простор, когда один в прозрачной тишине
Ты только мысль берешь попутчицей в прогулки
И говоришь с самим собою, как во сне.

* * *

Теперь вся красота — в мобильном телефоне:
Увяли ирисы, пионы отцветут...
Но пальцем проведи — они в твоей ладони.
Окажемся все *там*, когда не станет *тут*.

Так где же? Не экран и не фотобумага...
Пристанище найдем в юдоли цифровой?
Вот потому-то, друг, душе нужна отвага —
Себя не потерять, нетленный образ свой!

А так-то, кто мы? — Лишь энергий скрытых стужки
В бездонной пустоте. И видимость одна:
Закатный горизонт с его горящей, узкой
Багряной полосой, предвестницею сна.

* * *

Попросился в друзья на фейсбуке...
Ты поди разбери, кто таков!
Нет пилуль от тоски и от скуки,
И спасения от дураков.

Все вмещается в сеть интернета —
Каждого потаенный мирок.
Мы «друзья»! — И зачем тебе это —
На бессрочный теперь уже срок?

Словно тени касаются тени
В залетейской прозрачной стране...
Здесь останемся, без обновлений,
Как в одном нескончаемом сне.

Фотографии, лайки, репосты —
Белый шум миллиардов судеб;
Цифровой повседневной коросты,
Нарастающей жадно, Эреб.

* * *

Время совсем потеряло вес
Посередине лета.
Нового утра саднит порез
Алой зарей рассвета.

Кажется, только протрешь глаза,
Слипшиеся некстати,
А уже тянется полоса
Пурпура на закате.

Не заживает и все кровит
День, уходящий к ночи,
С новым таким же бесплотным слит,
Ставшим еще короче.

* * *

В твои-то шестьдесят: ни крупных войн, ни страха
Колымских лагерей, ни тифа, ни пайков...
Свидетелями быть империи размаха
И пережить ее — вот жребий наш каков!

Да, люди никогда не жили так привольно,
Комфортно, долго так, природе вопреки.
И если скажет нам История: «Довольно!»
Что возразишь? Вперед, в грядущее влеки...

Отбрасывает тень день завтрашний, безмолвный,
И слепо тычется споткнувшийся прогресс
В сгущающийся мрак, в бредовый хаос полный,
Чье время настает, — а с нами или без...

Не стану повторять сентенций о потопе,
Но хочется, зажав счастливый свой билет,
Отчалить, не застав ни халифат в Европе,
Ни в остовах домов цветущий бересклет.

* * *

На полгода здесь мы, на полгода —
С мая по октябрь, что листья гонит,
По земле коврами выстилая,
Серебря их золото морозцем —
Ранним утром — легким, но упрямым.
Господи, полгода! — Нам казался
Этот срок подобьем целой жизни,
А растаял легким сновиденьем,
Что слетает с глаз при свете солнца.
Новый день! — Какая уйма планов! —
Разочарование — в итоге...
Мне никак не удержать минуту —
Эту, эту вот сейчас, в которой
Я касаюсь грифелем страницы,
Оставляя серые петельки
Букв скользящих... Карандаш сломался!
Все остановилось. Но не время.
И пока я вставляю грифель новый,
И пока устроюсь поудобней,
Взяв блокнот, оно неумолимо
И бесцельно бег свой продолжает.
Время — это самый лучший стайер,
Нам в соревнованье с ним не хватит
Ни выносливости, ни дыханья!
Но обиднее всего, что даже
Обессилев и отстав, не сможешь
Впереди бегущего увидеть,
Его майку: время — невидимка.
Был и я, мой друг, когда-то молод

И, решаясь на забег бессрочный,
Не осознавал, что вот, в итоге
Ни терпения, ни сил не хватит
Продолжать... А утреннее солнце
Между тем, мои покинув окна,
Дальше в путь отправилось по небу.
Уже скоро десять — размечтался!
Надо в колею входить домашних
Дел, которых здесь у нас на даче
Оказалось даже слишком много,
Чтобы отдохнуть от липкой спешки,
Чтобы как-то задержать мгновенье
На глазах сжимающейся жизни.

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ РУСАКОВА

Десять лет назад его не стало,
Но все так же память ворожит:
Парфенон, Эвмена и Аталла
Стои, в небе ласточка кружит.

Так тогда в Афинах с ним навеки
И остались мы: вино и сыр,
Да оливки — все, что любят греки,
Книги, что зачитаны до дыр...

Жизнь упруга, как строфа Алкея,
Но однажды ей не хватит сил.
Словно день тот яркий в кулаке я,
Сжав, десятилетье проносил!

Только в пальцах нет уж прежней хватки:
Тень контрастней, отблеск горячей,
Близкой ночи бархатные складки...
Тот наш день — почти уже ничей.

* * *

Солнце садится на юго-западе,
Тени длиннеют часов с пяти...
Жизнь бесконечной казалась — а на поди —
Облачком тающим вдаль лети!

Это прощальное алое зарево,
Медь и латунь поредевших крон.
Всеми дождями, что землю залило,
Плачет в преддверии похорон

Небо, высокое, блекло-синее.
Долго стоишь — не отводишь глаз,
Словно уже горизонта линия
Не отделяет его от нас.

* * *

Первая бабочка в этом году
Белым батистом искрится...
Сердце, не надо грустить, я найду
Нам еще повод влюбиться!

Ты ли в который застигнуто раз
Жизнью и ранней весною,
Что пробуждается здесь и сейчас
С дымкою веток сквозною?

Крокусов звезды на черной земле,
Первые сныти побег.
Всем, о добре позабывшим и зле
В солнечной радужной неге,

Всем, так доверчиво снова на свет
Тянущимся из Эреба,
Тихо шепчу, улыбаясь: «Привет!»,
Глядя в слепящее небо.

* * *

Нету давно ни праздничных дней, ни будней,
Среды и понедельники путает календарь...
Так и живешь без времени, бережней и уютней,
Словно щегол на ветке — легкая божья тварь.

Этой свободы, забывчивой и усталой,
Мы наконец вкусили. И кажется, что родней
Нам теперь травы в поле, да в пене прибоя скалы,
Ели, березы, клены, что не считают дней.

Мы теперь, как природа, в себе свою тайну носим
И с кем-то делиться ею нет никаких причин.
Может быть, не заметим, как в зиму сползает осень,
Жизни от тихой смерти не отличим?

* * *

В своем минутном откровенье
Жизнь безотчетно хороша:
Неугомонных пташек пенье,
Сад, задохнувшийся в цветенье,
Опять воскресшая душа.

И солнце, по шажку, как в воду,
Спускающееся за край,
И свет, окутавший природу,
И в лето уходящий май...

Как будто именно в июне
Всего мы ближе к тайной той
Черте, как будто накануне
Мы... Но не двигайся, постой!

Вот этот миг, последний самый —
Сирени запах, листьев дрожь...
Благодарю, закат упрямый,
Что тьме разлиться не даешь!

* * *

Сказали умерла... Наш страховой агент.
Раз в год мы виделись, как правило, в июле.
Неспешный разговор, подробный документ...
И, кажется, всё тут, пока сидишь на стуле.

Незаменимых нет. Приедет, позвонит
Другой. И жизнь пойдет куда-то дальше, слепо.
Ей было, как и мне, лет шестьдесят на вид.
Сказали умерла... случайно и нелепо:

Прививка, диабет, и сердце подвело.
Не родственник, не друг, да мы едва знакомы!
Но видишь ли, так смерть ложится на крыло,
И тяготится дух в предчувствии Плеромы.

* * *

Этой ели, как нашему сыну, уже
Тридцать пять. На участке стоит.
Я смотрю из окна на втором этаже,
Как над нею небес монолит

Простирается: синяя-синяя гладь
В редких пятнах седой пелены.
Все уже состоялось, и можно не ждать,
Разве — оклика с той стороны.

А как вымахала! Разметавшихся лап
Над забором упругий шатер.
Был твой ствол, как и сын наш, непрочен и слаб...
А потом кто-то прошлое стер.

А потом, слава богу, в небесную высь
Свою хвою стремя и кору,
Ты всех выше в саду, всех сильнее. Держись,
Черной кроной шумя на ветру!

* * *

Замыслы вселенского размаха,
По Европе призрачной тоска.
Но в подкорке столько гнева, страха:
Кровь всегда истории близка.

Как потом поэт любимый скажет:
Перебит у времени хребет.
Вот с тех пор он всех нас и повяжет
Горькой славой пережитых бед.

Но, смотри, несбыточное чудо
В камне вырастает из болот,
Взявшиеся, словно ниоткуда:
Стольный град, победоносный флот.

Мрачный гений взнузданной России —
Тела с подмененной головой —
Кто ты: воплощенье лжемессии,
Или же надежды вековой?

* * *

Слежавшееся прошлое мое
В альбомах и тетрадях дневниковых...
Теперь я там — у времени в оковах,
А в перспективе лишь небытие.

Весь там... Но — нет — не тянет заглянуть:
У старых папок стойкий запах пыли.
Там жили, ждали, верили, любили. —
Не повторить мне этот долгий путь.

Итак, прощай, тот прошлый! Что же я
Теперь, все забывая и легчая,
Почти свободен? Так за чашкой чая
Сидят порой, мгновенье это для.

Пьешь чай... А что потом — не все ль равно?
Одно *сейчас* со мною остается.
И, сладко замирая, сердце бьется,
И луч последний падает в окно.

* * *

Может быть, и лето-то последнее:
Каждый день как золотой дублон.
Ах, не буду из YouTube-а бредни я
Слушать: страх и гнев со всех сторон.

И опять все ищут виноватого:
В зеркало-то глянуть недосуг!
Лучше слушать тополя патлатого
Шелест, ветром схваченного вдруг.

Лучше погружаться в пчел гудение
Над багровым кружевом монард,
В разум не пуская наваждения
Катастрофы, вышедшей на старт.

Так ли, нет — мы все теперь расплатимся:
Пробужден истории упырь.
Облака плывут... Куда мы катимся!
Золотом пылает неба ширь.

* * *

Облака, облака... Словно в детстве плывут облака.
И не хочешь, а утлую память заденешь слегка —

И нахлынет нечаянных призраков облачный строй,
Что с тобою во сне развлекаются тайной игрой,

А теперь наяву... Самолета подтаявший след.
Неужели ты все еще ждешь откровенья в ответ

На ушедшие годы стремлений, влюбленностей, грез?
Неужели чего-то еще ожидаешь всерьез?

Облака, облака: белый сполох и сизый провал...
Может быть, эту жизнь я в беспамятстве зарисовал,

А теперь не понять, не осилить ее уже мне?
Облака белоснежные в синей плывут вышине.

* * *

В двадцатых числах августа всегда
Уже тоска стучалась в наши двери,
Пророча мрак осенний, холода,
Служебный долг и прочие потери.

И глядя в календарь, как в некролог,
Хватаясь за бесплотные минуты,
Я думал: погоди, настанет срок,
Ослабнут и твои земные путы

На пенсии... На пенсии! — Ну вот
Ты и дождался вожделенной доли:
Вслед за июлем август настает,
И солнце в небе цвета канифоли,

И реют цеппелины-облака,
И дней у нас еще на даче много,
И мы свободны вроде бы пока,
Но безотчетно копится тревога.

* * *

Восходит позже. На закате
Быстрее спешит за горизонт...
И август, сам промокший, кстати,
Для сентября готовит зонт.

Душе-то, необремененной
Ничем, поди уж, все равно,
Что небо алой, воспаленной
На западе обрамлено

Зарею. Вечер в дымке тает
Тумана. Громоздится лес.
И тщетно темнота латает
Прорехи звездные небес.

Я скоро сам звездою буду,
Дрожащей в выси неземной.
И всё, наверное, забуду...
Следите издали за мной!

ВДОХ-ВЫДОХ

А. С. Заславскому

И ангелы, наверно, как врачи
К душе подходят зараженной нашей
В биозащите. Свет свои лучи
Рассыпал по палате. Манной кашей

Здесь кормят по утрам. Окно во двор.
Икота, задыханья, хрипы ночи.
Все беспокойней сон, все уже створ
Возможностей, все тело к нам жесточе.

И ангелы, прозрачные свои
Надев халаты, капюшоны, маски,
Процеживают душу сквозь слои
Твоей прошедшей жизни без опаски.

Под целлофаном не заметишь крыл.
Вдох-выдох, пульсоксиметр на пальце.
И словно кто-то тайный приоткрыл
Проход для нас, усталые скитальцы!

* * *

Вот он, утенок гадкий —
Лебедь чрез пару лет,
Крыл лишь расправит складки,
В белое весь одет.

Только теперь опасны
Щедрой судьбы дары:
Все, кто умны, прекрасны, —
Будете вне игры.

Или (куда уж хуже!)
Наоборот — в игре.
Красные крови лужи,
Зарево на заре.

В остервенелом веке
Белые крылья — в грязь!
Скорбный ваш путь, калеки,
В бездну ведет, змеясь.

МОЛИТВА

Мир, из которого скоро мне...
припорошен снежком.
Серая непроглядь в вышине,
в горле застрявший ком.

В сквере озябших деревьев голь,
черная вязь ветвей.
Если возможно, еще позволь
здесь, у Твоих дверей...

Впрочем, пусть будет все так, как Ты...
Мне ль недовольным быть!
Даже несбывшиеся мечты
учат прощать, любить,

даже промозглый, сырой рассвет
видеть, дышать зовет,
если возможно... А если нет —
просто шагну вперед.

* * *

Я там был — под покровом наркоза —
В необъятной безглазой ночи.
Жизни самая малая доза
Нам дает к возвращенью ключи.

Ну, а если ее уже нету:
Ничего–ничего–ничего...
Разве тяга последняя к свету,
Непостижная воля Его.

* * *

Жить с опухолью там, внутри, как будто тело
Захвачено *чужим* и больше не твое...
А это — чтоб душа свободно захотела
Отринуть наконец земное бытие.

Так бабочка, созрев, свой покидает кокон,
Крылатая, порхать беспечно день-деньской
Среди воздушных струй, меж солнечных волокон,
Не обременена ни страстью, ни тоской.

Сказать начистоту: что устает — устало,
Не только я, но мир, который был моим.
И гаснет небосвод, и пламенеет ало
Последняя заря, в которой мы сгорим.

Рожденные людьми, по воле Интернета
Тела свои забыть уже принуждены,
Летя, как мотылек в жерло огня и света,
Уйдем, перегорев, навек в чужие сны.

* * *

Умереть на столе под наркозом...
Вот как? — тоже удача, поди.
Сразу к смерти межзвездным стрекозам
Попадешь с немотою в груди,

В сон из сна, не запнувшись при входе,
Из глубокого сумрака в тьму,
И о вновь обретенной свободе
Не расскажешь уже никому.

Словно Вояджер в облаке Орта
Свой ресурс отработавший весь,
Но летящий упорно и гордо
Сквозь холодную звездную взвесь...

Ни сомненья, ни страха, ни боли,
Пустоту прорезая как лед,
В никуда. И ничто уже боле
Этот не остановит полет.

* * *

Бесчувствие? Да... Может быть, и так.
Тот, кто входил в паучий полумрак
Истории, тот не спешит, не судит,
Тот знает цену лозунгов и дел,
Тот холоден. Ах, как бы я хотел,
Чтоб с нами было все не так, как будет!

В Бхагавадгите человеку Бог
Одно лишь назначение нарек:
Быть тем, кем он однажды призван к свету,
И не роптать, и на себя не брать
Того, что непосильно. Завтра рать
На поле боя выйдет по обету.

Мне жаль ромашку, втопанную в грязь,
Мне жаль тебя, мой друг, когда клубясь,
Над городом чернеют дымы взрывов.
Но не смогли мы жернова судеб
Остановить. И что когда б и где б
Зависело от жалостных призывов!

Но вот смотри: с Приамом Ахиллес
Ведут беседу, черноту небес
Рвут на клочки сиянием светила,
И даже смерть, пресытись, устает.
Забвенье — для души, для раны — йод.
И лишь бы всем нам мужества хватило!

* * *

Как испугались все, как возмутились дружно!
Чему? — Что ход вещей нам больше не дает
Жить жизнью просто так, отлаженной наружно?
Автопилот ведет уснувший самолет...

Я поздравляю вас: мы попросту проспали
Под колыбельные досужих фукуям
В Руанде геноцид, потом бои в Цхинвале
И сотни душегубств, творимых здесь и там.

Что Ливия, Ирак, Афганистан — а это:
Пять миллионов жертв, лишь двадцать лет назад.
Где? — В Конго... Да, война. О, я не жду ответа.
Благословен покой пасомых ложью стад!

Так можно пикники в йеллоустоунском жерле
Устраивать. Ну-ну, резвитесь до поры!
А наглое вранье друг другу не пример ли
Начавшейся опять чудовищной игры?

Истории суккуб выходит на дорогу,
И нет уже у нас гарантий никаких.
Лишь подавив свой страх, свой гнев, молиться Богу,
Невзгодам вопреки, и пересилить их!

* * *

Осеннего сада руины
И мелкодисперсная взвесь
Дождя... От вестей с Украины,
Кровавых, сжимаешься весь,

За дело не хочется браться.
Хотя бы какой-то просвет!
И ясно, что не расквитаться
Нам будет четыреста лет.

Да есть ли у нашего мира
Они? Негодует листва...
Мне кажется, мы до надира
Добрались, не помня родства.

И ветер, терзающий кроны,
Впитавшие камедь и йод,
Взломав рубежи обороны,
На осень в атаку идет,

И стебли травы, умирая,
Беспомощно жмутся к земле,
И киснут кусты у сарая,
О солнце забыв и тепле.

Одни топинамбура звезды,
Дрожа, у забора горят.
Как в это безумие врос ты —
Распада, смертей и утрат?!

* * *

Одна лапчатка держится в саду,
Прихваченном, увы, ночным морозцем.
Смотрю на неба тусклую слюду
С полками туч и солнцем-знаменосцем:

Похоже, выдвигаются на юг,
Где битвы все страшнее и кровавей.
Всей нашей жизни прожитой — каюк.
Отводишь ветку, топчешь мокрый гравий,

И говоришь себе: когда-нибудь
Опомнятся, бог даст, и те и эти,
Боль выболит, на дно осядет муть,
Вражды истлеют вековые сети,

Когда-нибудь потом... Уже без нас,
Несчастных, ослепленных, безответных,
Свой роковой не распознавших час
В наивных ожиданиях победных.

* * *

Дни короче, а ночи длиннее:
Август передает сентябрю
Эстафету. Закат, пламеня,
Простирает над лесом зарю.

И смотрю, как горит, не сгорая,
Облаков разметающихся стая,
На востоке сгущается мрак.
Каждый год словно ждешь, замирая,
В эту пору призыв или знак.

И душа, наполняясь восторгом,
Перемешанным с острой тоской,
Весь — в полете своем дальнозорком —
Видит мир наш усталый, людской,

Неприкаянный, хрупкий, матерый,
Посреди всех времен и дорог
Потерявший себя, на который
Смотрит сверху беспомощно Бог.

IV

* * *

Посмотри: там над нами рождаются,
гибнут и сходят на нет миры...
И не хватит воображенья представить масштабы
тех катастроф.

По сравнению с толкотней и визгами уличной детворы,
По сравнению с неторопливым звучаньем любимых стрóf,

По сравнению с достижениями гениев,
чудесами искусства всех —
Всех народов, и в прошлое погружающихся эпох,
По сравнению с долгим перечисленьем
великих и страшных вех
Неопрyтной истории нашей (опять «Повелитель блох»

Почему-то мне вспоминается Гофмана), по сравне...
Этот перечень несуразный я мог бы и дальше длить.
Знаешь, от фотографий убийственных Хаббла
всё не оторваться мне:
И на сколько ж значительность нашу —
всего человечества — требуется делить?

Почему-то мы сокрушаемся по поводу мелочей,
Столь для каждого, впрочем, значимых, —
как эта жизнь и смерть.
Посмотри: над нами огнями утыкан
бездонный простор ничей,
И кипит мириадами звездных вскриков ночная твердь!

* * *

Знакомые запахи с детства — шиповника, флоксов:
Вдохнешь — сразу Пруст вспоминается
с хрестоматийным «мадлен»,
Отнюдь не каникулы в Лисьем Носу. Парадоксов
Ты полон, наш разум, культурой захваченный в плен.

Я даже не знаю теперь, как смотреть на пейзаж без Сислея,
Сезанна, всегда углубленного, легкого кистью Марке?
Вон клены стоят по-матиссовски жарко алая,
И гибкие ветки колышутся на ветерке.

Как будто бы мир этот сделался запахом, цветом
В моем восприятии также доступен всем им.
Зато и они помогают намеком, советом
И делятся щедро нечаянным прошлым своим.

И как бы сказать попонятней: отложено в сторону время...
У Бога все живы — ты знал? Ароматами полнится сад,
Затем, что уже различить невозможно свободу и бремя,
Свое и чужое, *сейчас* и столетье назад.

* * *

Пятьсот секунд всего от Солнца отделяет
Меня, тебя, всех нас — всего пятьсот секунд.
Там огненный котел частицы раскаляет —
И золотистый свет, искрясь, ложится тут.

Мы рядом с бездною. — Паскаль и Тютчев правы:
Живем, не чувствуя дыхания ее,
В двух люстрах, в двух шагах от тайной переправы
В неоткликающееся небытие.

Да что небытие! Соприкасаясь с чудом
При жизни, разве кто способен до поры
Понять и опознать?! И вот лежат под спудом
Неисчислимы, Господь, Твои дары...

* * *

До следующих флоксов, маков, астр
Дожить... В единый внесены кадастр
Они по мне скучающего лета.
Мы с ним сроднились, мы с ним молодцы:
Я честно сочинял свои столбцы,
Оно пылало заревом рассвета.

Как и всегда, вопрос: «куда ж нам плыть?»
Не знаю... На крыльцо пораньше выйди,
И вдаль плыви — туда — за облаками,
За горизонт, за тридевять земель!
А тут гудит у мальв мохнатый шмель,
И над иргой — пичуги косяками.

И, в самом деле, не пора ли мне
Поплыть в слепящей синей вышине
Над нашим садом, лесом, дальним долом,
В свечение это кануть, в запах, в цвет,
Уйти за летом уходящим вслед,
Застыть, подобно драгоценным смолам?

Да нет же, я себя не тороплю!
Работаю, гуляю, правда, сплю
С недавних пор урывками и мало.
Мне с летом хорошо, мы с ним вдвоем
Еще ромашек полевых нарвем,
Пока зима до нас не дохромала.

* * *

Там — слишком холодно, там — слишком жар горяч,
А жизнь возможна лишь вот здесь — в полоске тонкой.
Укрой от икс-лучей, от метеоров спрячь,
И от сверхновых проведи сторонкой!

Баюкающий нашу колыбель,
В бескрайней пустоте плывущую над бездной,
Адресовать Тебе свои вопросы мне ль
С надеждой осознать все *это* бесполезной!?

Как хрупок наш земной, объятый сном мирок,
Какие там и тут скрываются угрозы!
А изнутри смотреть — так просто лета срок
Подходит: тополя желтеют, вянут розы,

Вот-вот и косяки потянутся на юг
Птиц перелетных, лес заволочет туманом,
И будем ждать зимы, ночных свистящих вьюг,
Плывя Бог весть куда над звездным океаном.

* * *

Наконец топинамбур зацвел,
Припозднившийся в этом году...
Кто-то тайный удачно нас свел
С щедрой жизнью. И я проведу

Дни последние августа так,
Как желтеющие вдоль дорог,
Ускользящие в полумрак
Тополя, как ночной ветерок,

Как упрямые стебли травы
Под ногами в холодной росе,
Как спящая бязь синевы,
Доживу это лето, как все.

Топинамбура поздний цветок
Золотящиеся лепестки
Распускает, не зная свой срок,
Сожаления, страха, тоски.

* * *

Дважды за ночь просыпаешься,
Нехотя во тьме лежишь,
В сонной памяти копаешься,
С комаром воюешь. — Кыш!

Все зудит. И приставучие
Мысли крутятся в мозгу:
Что я должен буду в случае
Сделать, если... Не могу!

Сто химер — и разум-пьяница
Ими бредит, захмелев.
Впрочем, в будущем останется
Все равно не этот блеф.

А страшась сейчас грядущего,
Ты уже им и живешь:
Только призраками сущего,
Настоящее — под нож...

* * *

По прогнозам грядут холода:
Говорят, через несколько дней.
Не хочу уезжать никуда,
Где теплей и, быть может, вольней.

Как мне бросить рубины рябин,
Позолоту, что сходит с берез?
Даже если останусь один,
Вмерзнув намертво в лед, — не вопрос!

Помню яркие вас, миражи,
Но клубком капилляров и жил
Я привязан к вон той, у межи
Ели (даже ей оду сложил).

Пусть сломал ее ветер шальной,
Но призывней, роднее, больней —
Только выйду — шумит надо мной
Крона темная, память о ней.

* * *

Одно мгновение — жизнь. Да что там человека:
Народов, государств, тех вековых звезд
Над головой у нас пылающих от века,
Галактик — в пустоте висящих звездных гнезд!

Во времени — увы! — ни смысла нет, ни цели,
А, значит, — бытия. Во времени, увы...
Пять миллионов лет назад вот здесь шумели
Леса — и где они? — Сплошной ковер травы.

А те, могучие, в моем воображенье
Остались разве что. И, значит, лишь оно
Тьме противостоит, стирающей в забвенье
Все то, что было, есть, все, что предрешено.

Росток сознания, недостоверный, робкий,
Спасти пытается, потоку вопреки
Реки времен, болотистые тропки
Девонских зарослей, посыл моей строки.

* * *

Золотые звезды топинамбура,
Бархатцев ажурных пестрота...
На платформу выходя из тамбура,
Замечаешь, что уже не та

Атмосфера: воздух пахнет осенью,
Холодком и сыростью сквозит,
Дымка невесомая над просинью —
Свой меняет небо реквизит.

Вот и все. Что было — то и прожито.
Жухнут травы вдоль дороги в дом.
И не спросишь раздраженно «что ж это?»,
Или не оставишь на потом.

Сладостна тоска припоминания,
Голова чуть кружится. — Смелей!
Сквозь листовы проплешины — зияния
Тверди, сон некошенных полей.

* * *

Вообще-то то, что ты на грех
Смирися, сдал, потух,
Вполне устраивает всех:
Бесплотный, чистый дух,

Вот-вот готовый улететь,
Как шарик надувной.
Что нам позволено хотеть:
Звездю стать, волной?

Но вот царапает звезда,
Мерцая в вышине,
И, набегая, шепчет «да!»
В ночи волна волне.

И снова пробует слова
На вкус, немея, рот,
И беспризорно, как трава,
В душе любовь растет.

О чем я то бишь? О живой
Основе бытия,
О том, что снова сам не свой
От этой жизни я.

* * *

И даже если невзначай
Влюбленность легкая коснется
Теперь, спокойно примечай,
Как учащенно сердце бьется,

Как, едучи домой в такси,
Ты улыбаешься невольно,
Как ждешь... Но хватит, не проси,
Уже и этого довольно!

Ласкает юный ветерок,
И сумрак расправляет плечи...
Душа, какой тебе-то прок
От этой мимолетной встречи?

Что это: старой раны зуд,
Предчувствие последней дремы? —
Неважно. Я не знаю, кто мы,
Куда нас грезы унесут...

* * *

И уже никому-никому-никому
Не разбить мое сердце. Увы!
В жгут один безнадежность и душу саму
Не сплести, в глубину синевы

Обожженных небес за собой не увлечь,
Упованье и страх не сопрячь...
Ты всему, что случится еще, не перечь
И набухшие слезы не прячь.

Этой жизни так мало, так сладостен вкус
Всех даров ее, поздних плодов.
Но уже не дает то ли опыта груз,
То ли умерших тяжесть годов

Так наивно довериться хрупким мечтам,
Что растают, как кубики льда
В горьком вермуте. Сердце — увы! — не отдам
Я уже никому, никогда.

* * *

За лето так и не притронулся к заветным
Мелкам, и кисти взять и краски не посмел.
И шли за днями дни под нашим небом бледным,
Безликие, крошась, как белый школьный мел.

Душа уже дерзать боится, и пустоты
Оставив за собой, бредет себе... Куда?
Ведь больше узнавать не требуется, кто ты? —
Всего лишь тот, кого изгладят без следа.

Рисуем на песке и на песке же строим...
Зачем? Я так люблю искрящийся рассвет!
Но даже если мы однажды жизнь устроим,
Все будет не хватать слипающихся лет.

И потому, что всё останется лишь в этом
Мгновении, лишь в нем, я больше не хочу
На заданный тобой вопрос спешить с ответом
И мыслей размножать дурную саранчу.

* * *

Постарела, с боков облысела — беда! —
Наша Белочка, славный зверек.
Люди — в рай, а крольчихи уходят куда?
Их на что Всемогуший обрек?

Или, может быть, все остается, как есть
В жарком перетекании форм
И обличий, которых, наверно, не счесть?
Все когда-то пойдём на прокорм.

Мирозданье себя пожирает во мгле,
Продырявленной звездами сплошь.
Мы не долго пробудем на этой Земле,
Мой дружок длинноухий. — Ну что ж!

Только вспышка сознания, только порой
Блики тел обступающих, лиц...
Нас и нет ведь на самом-то деле: лишь рой,
Сгусток элементарных частиц.

ГЛЯДЯ НА КАРТИНЫ АНАТОЛИЯ ЗАСЛАВСКОГО

Великолепный комментарий
К открытой Книге Бытия —
Для нас, изгнанников и парий.
Смотрю, дыханье затая.

И мир, преображенный цветом,
Открыт, как возвращенный Рай.
Об этом можно, и об этом...
Чего же медлишь? Выбирай!

Не книга даже — стол накрытый.
Все позабыв, пирует взгляд:
Портрет мой с Ткачуком Никитой,
Крыш Петроградки длинный ряд,

Дома в Пустыне Иудейской,
Неву перечеркнувший мост,
И купол Троицы апрельской,
Еще без нуворишских звезд,

Кораблик белый Нафплиона,
Рим, ставший всех других родней...
Как будто жизнь свою с балкона
Я вижу. Что мне делать с ней? —

А ничего! Все есть, как было —
Смотри, какая благодать!
Нам разве счастья не хватило
Все это видеть, понимать?

* * *

На восемьдесят семь что дарят человеку —
Бокал какой-нибудь? Вермеера альбом?
Зачем ему они? Досадную опеку
Нести над тем, что здесь оставить при любом

Раскладе предстоит? Ведь все уже понятно.
И мир вещей, что нас переживут, томит.
А соблазняют ум расплывчатые пятна
Прошедшего. Увы — у памяти лимит.

И то ли сны зовут остаться, то ли тени
Из сумрачных краев приходят невзначай...
Зачем ему развал той человечьей хрени,
Которой заняты мы с вами? — Не скучай!

Но, помнится, Алкей, которого пучина
Не поглотила лет, советовал зимой
Наполнить кубки нам. «Брунелло Монтальчино» —
Италии привет — подарок будет мой.

* * *

Сентябрь. И опять холодает.
Но поздние розы как раз
Цвести собрались. Догоняет
Неосуществленное нас

Под занавес. Правда, теперь уж
Скорей в забвенье, в полусне.
Ты сам в свои чувства не веришь,
Им не доверяешь вполне.

Но все же, вот видишь — и розы
Колышутся алой волной,
Не предвосхищая угрозы
Пришествия мглы ледяной,

Бутоны в росе раскрывая,
Доверившись солнцу вполне,
Как будто их примет вторая
Жизнь. Может, решиться и мне?

* * *

Бесполезный, унылый сегодня день...
Чем-то занят был. Да вот чем?
Не писалось, какая-то мысли лень
Обволакивала. Совсем

Я устал себя заставлять сверять
То, что там, внутри, с тем, что вне.
А в окне колыхалась березы прядь,
Ей довольно было вполне

Просто так на солнце сверкать листвою,
Тихо шелестя на ветру.
Может, полегчает мне, если свой
Я бесплодный разум сотру?

Никаких упреков, претензий, вин,
Недоделанных дельных дел,
Только этот искрящийся день один,
И другого бы не хотел.

* * *

На позднюю любовь ни времени, ни силы
Не хватит мне. Прости! Уже не хватит, нет...
Ах, молодость моя, ты дальше, чем Курилы,
Ты призрачнее, чем прозрачный лунный свет!

Но в полузабытье глухом мне так приятно
Вдруг ощутить волну влюбленности твоей,
Когда всё впереди еще и необъятна
Жизнь. Летний ветерок, хмельной и нежный, — вей!

И, знаешь что — закат ведь тайно схож с рассветом:
Волнует душу нам и красками богат.
Хотя бы и во сне, еще на свете этом...
Хотя бы и во сне... Тебе я буду рад.

* * *

Почему слова то цепляются друг за друга,
То почти рассыпаются в какой-то бессвязной фразе,
То по строке распространяется звук упруго,
То налипает на местоименья, подобно грязи?

Мир наш какими-то сполохами мерцает:
Разуму ничего не понятно, потом все предельно ясно.
Жизнь то тебя принимает, то полностью отрицает,
Хотя, конечно, она все равно прекрасна.

«Бодрствуйте!» — говорил в Гефсимании Он,
а они — проспали.

Господи, я прошу, помоги мне выйти из усыпления:
Слышать листвы перешептыванья, дальние видеть дали,
Легкие строки соединять в золотые звенья!

* * *

Говорит, что скучно ему. А мне
Непонятно: скучать — это как?
Я жалею о каждом ушедшем дне,
Подаящем мне тайный знак,

Что мы с ним не успели побыть, прожить
Все часы его в полноте.
А теперь? О следующем тужить,
Той же отданном суете?

Мне и этого хочется и того,
Дольним миром я ослеплен,
Как в романе (помнишь его?) Прево
Кавалер де Грие — Манон.

И со счастьем собственным не совпасть —
Лишь отслеживать его след...
Наглядеться бы, надышаться властью
За недолгий остаток лет!

* * *

Не сейчас — это значит уже никогда,
Ибо с нами лишь это *сейчас*.
Жизнь... она, как колеблющаяся вода,
Но не там, на заливе, — а в нас.

Встречи миг заповедный не перенести,
И влюбленности не растянуть.
Мне тебя не дожидаться, наверно. Прости!
Одинокий у каждого путь.

Может, так даже к лучшему: любишь сильней
То, что в руки тебе не далось.
Жизнь могла бы сложиться иначе. О ней
Потоскуем, прожив ее врозь.

Но тот привкус несбывшейся близости нас
Тайно сблизит в безликой дали,
Чтобы жгучее, горькое это *сейчас*
Навсегда мы в себе обрели.

* * *

В эфемерной жизни земной своей
Не успеть, не встретиться, не совпасть...
Ты пространство и время преодолей,
Воплощенного властного слова страсть!

А осенний ветер листву метет
По асфальту, по спинам гранитных плит.
Не приедет — как же так!? — не придет,
И слезами вечер дождя залит.

Лишь в платоновском мире идей-теней
Совпадают судеб людских пути.
Что ж, еще нежнее, еще сильнее?..
Но любви пристанища не найти,

Нет — увы! — нигде, кроме этих строк.
В них она и останется навсегда,
Как звезда путеводная, как упрек
Ускользающей жизни твоей. — Куда?

* * *

И если душа — Эвридика,
Спускающаяся в Аид,
В котором темно и безлико,
То кто же ее укрепит?

Кто ей, безоглядной, втолкует,
Как там, где чабрец и кипрей,
Тоскует по ней, негодует,
Забыв свои песни, Орфей?

Как вывести бедную душу
Назад из потемок — на свет?
Спустившись к тебе, обнаружу,
Что нас уже как бы и нет:

Лишенные запаха, цвета,
Скользят в беспросветной дали...
Желаешь ли ты, чтоб поэта
И вправду к тебе привели?

Отчаянье тянется к тени
Исчерпанной жизни иной.
Иду, и крошатся ступени,
Вниз, вниз уводя, подо мной,

Преодолевая разлуку,
Спускаясь в мир вечного сна...
Да только вот тонкую руку
Тебе не протянет она.

А нужно ли нам постоянство?!
Оно обветшает, поди,
Как время само и пространство
За вечность, что ждет впереди.

* * *

Все думал: с кем бы я из той когорты славной
«Серебряной» певцов поговорить хотел?
Но неприветлив вид у Музы своенравной
И этой, и того... Открытость — не у дел.

Хотя с одним из них, ты знаешь, как ни странно,
Мне кажется, нашел бы круг горячих тем.
Вниманье лестно нам, участие желанно,
А ложный пиетет утрачен насовсем.

«Не музыка моя, а музыка», — сказал он.
Не оды — упаси Создатель — а стишки.
Отдавший дань бегам, балетам, кинозалам,
Всех человеческих чувств вершки и корешки

Изведавший, в своих соблазнах предсказуем,
Но умудрен в любви и в простоте глубок...
А потому к нему так часто адресуем
Тот, кто хотел бы знать «забавный русский слог».

Счастливец, времена заставши роковые,
Сумел он и от них уйти, опередив
Расстрельные дела и бойни мировые.
Как Крысолов, тянул беспечный свой мотив,

И заговаривал, пока возможно было,
Безлюбую тоску все охватившей тьмы.
И выжило его искусство, утолило
Тех жаждущих сердца, среди которых мы.

* * *

За двадцать минут до того, как зуб
Мне вырвут, прощаюсь с ним.
Полвека вместе... за кромкой губ...
С одним из многих, одним...

Не жалко жизни ее солдат,
Расходных ногтей, волос,
Всех праздничных, ординарных дат,
Стремлений твоих и грез.

Куда уходит всё то, чем был,
Всё то, чем стал и не стал?
Пластинок помню своих винил,
Реформ горбачевских шквал,

Столицы дальних, запретных стран,
Что стали вдруг так близки,
И новый захлопнувшийся капкан
Истории — черт! — тоски...

Все это вместе прожить пришлось,
С тобою нам испытать.
Что ж, неужели отныне врозь,
И никогда опять

Тех городов и земных чудес
Нам здесь не увидеть, брат?
А сам-то собой я останусь без
Тебя, посреди утрат?

VI

* * *

Как странно, что о счастье ничего
Не написать. Как бы само собой
Оно при нас. А вот, когда его
Нет, жизнь дает неувимый сбой,

И сразу появляется зазор
Между тобой и миром, щель, провал...
И обступает муз незримый хор,
Чтоб с ними об утрате горевал.

Тогда-то и рождаются к Нему
Вопросы. Коротая день за днем,
И незаметно погружаясь в тьму,
Однажды мы себя не узнаем.

Так вот же я прошу: молчи, молчи,
Дни полноты безмолвной удлиняй,
От счастья обретенного ключи
На горечь строк о нем не променяй!

* * *

Меня оставит дар последним из сокровищ
Земного бытия, подаренных Тобой,
И значит, я могу всех монстров, всех чудовищ
В себе преодолеть, напор беды любой.

Вот, кажется, опять сознание прорвало:
Стихи пошли гурьбой без страха и стыда,
Как будто плоть мою язвит все то же жало,
И Музе отвечать спокойно можно: «Да!»

И сны, что нас гнетут, и призраки былого,
И страхи о конце разверзшихся времен
Струятся сквозь тебя, чтоб воплотиться в слово,
Которым ты прощен, спасен и утомлен.

И словно проходя через обряд причастья,
Волнуется душа: легко и странно ей
Всегдашнюю тоску омыть приливом счастья,
Которое саднит, чем слаще, тем больней.

* * *

Боже, снова проснулся в пять!
И никак себя не унять,
Не расслабиться, не заснуть.
А сознание, словно ртуть,
Разбегается, вмиг дробясь:
Всё тревог и вопросов вязь.
Что я, Макбет, который сон
Свой зарезал? Прости, Дункан!
Нет на памяти страшных ран,
Я не совестью уязвлен...
Это просто, как мотылек,
Бьется, высвобождаясь, дух,
Ибо срок уже недалек:
Побываем у трех старух —
Первая отмеряет нить,
А вот третья ее же рвет.
Как мне мысли утомонить,
Отменить их ночной полет?
Ну же! — Чувствуешь тяжесть век,
Пульс, смиряющий свой разбег,
Чтоб усталости сладкий миг
Наконец-то тебя настиг?

* * *

Нам вечность (что и время самоё
Изложет), вероятно, предстоит.
Не спрашивай, как проводить ее
Мы станем? Ведь навек с сознанием слит

Тот, уходящий в никуда поток,
Что априорной формою назвал
Затейник-Кант. И вот нам невдомек,
Куда ведет из времени провал.

Куда, когда, откуда, почему? —
Что кружатся в мозгу, как стаи птиц, —
Бесплодны, может быть. Увы, уму
Своих же не преодолеть границ.

Но Он сказал: не *будете* иметь,
Уже имеете жизнь вечную со Мной.
Здесь лишь кимвал звенит, бряцает медь,
А там — преображен наш взгляд земной

Любовью той, что бытие творит,
Миры соединяя и сердца,
И с сущим вольный разум говорит,
Предвечному открытый до конца.

А здесь?.. Я ощущаю иногда,
Когда пишу, в отключке, в полусне,
Что время, как стоячая вода,
Поднялось, замерев, по горло мне.

* * *

В этом возрасте хочется черт-те чего:
Волосы выкрасить в синий цвет,
С юной беспечностью наголо
Жизнь штурмовать, словно смерти нет.

Жаль: лишь охотничий спектр глазам
Дан, и с влюбленностью впопыхах
Встречи... Ответь, где сидит фазан,
Превозмогая незнания страх?

В том-то и дело, что надо знать,
То, чего знать не дано, мой князь.
Может ли семечко угадать,
Чем оно станет, ветвясь, стремясь

В небо, что манит к себе, паля?
Принц, да никак ты опять попрос?
Жаль, что не будет у короля
Синих, дурацких твоих волос.

* * *

Мой щегол, я голову закину...

О. Э. Мандельштам

Держатель неземных сокровищ
Несметных так и не нашел,
С кем разделить их... Всех зимовищ
Души не счислишь, мой щегол.

Я тоже голову закину:
Что горевать, чего жалеть! —
Нам вечность подставляет спину,
Другим не удержаться ведь.

* * *

История как риф коралловый, из судеб
Сложившийся всех тех, кто были, а теперь...
Теперь не знаю где. Но там, где каждый будет.
И боязно смотреть в распахнутую дверь.

Коралловый костяк страстей и упований,
Несбывшихся надежд, восторженных побед...
Из мириад имен и умерших прозваний
Лишь пара тысяч свой запечатлели след.

Всего-то оттиск на крошащихся, лежалых
Напластованиях, но чувствую за ним
Гул сонмищ голосов невнятных и усталых
Всех тех, чей путь, увы, безвестен и незрим.

Природа костяки, а память отголоски
Хранит. Но наших душ неведомы стези —
Как искры на ветру, кружащиеся блески
В ночи: живи, сквози, сияй, не угаси!

* * *

Вдруг появляются стихи —
Вот так... Из ничего

Георгий Иванов

Из ничего, и как бы ни о чем...
А словно, мимо проходя, плечом
Заденет, пробормочет два-три слова,
Обычные. Ты сам их бормотал...
Но, миновав невидимый портал,
Душа замрет, несчастна, бестолкова.

Поговорить? Да разве есть предлог?
Снег шел всю ночь и, смерзшись, плотно лег
На нашу память ровным, белым настом.
Я тоже знаю, что не продохнуть.
Так что же, эту смуту, эту муть
Рассовывать публично по подкастам?!

И я про то: не вербализовать...
Лишь звезды будут неотступно звать
Туда, во мрак бескрайний за собою.
И ты уже отправился в полет,
И жгущийся твоих признаний лед
Я чувствую примерзшею губою.

* * *

Кашемировый шарфик — на несколько раз,
А потом он весь в катышках будет. —
С глаз долой! Слава богу, другой про запас
Есть. И горла январь не застудит.

Ну, а как там с влюбленностью, чьи лепестки
Дразнят благоухающим тленьем,
Опадая, увей? — И смахнуть не с руки,
И проникнуться новым томленьем.

Вот и с жизнью изношенной тоже беда:
Не достать запасную из шкафа,
Даже если у нас впереди холода,
И бормочешь под нос раздраженно «да, да» —
На убогую мудрость Наф-Нафа.

* * *

А в самом ли деле духовна
Любовь? Что мне скажет в ответ
Крольчиха, с которой мы словно
Врастаем друг в друга шесть лет?

Вне всякого смысла и слова,
Идущего камнем ко дну,
Лизать мои пальцы готова,
Как только ладонь протяну.

Вне цели, помимо сознания —
Лишь нежность... О, не обессудь!
Но небытия прикасанье
Не так холодит мою грудь.

Живое живому причастно,
И как это ни назови,
Весь мир существует напрасно
Для смысла, но не для любви.

VII

* * *

Жизнь, как шагреневая кожа,
Сжимается день ото дня...
Что, свет-мой-зеркальце, похоже
И ты не узнаешь меня?

Когда и *этого* не надо,
И не преодолеть *того*...
И непереносима взгляда
Оттуда тяжесть своего.

Мечтать... Ах, разве что о крае
Уже нездешнем, золотом,
В закатном зареве сгорая...
Забудь! Оставим на потом!

Смотри безжалостно и зорко
В стекла мерцающую гладь...
А возраст — просто отговорка,
Чтоб больше ничего не ждать.

* * *

Как же, как же, как тебя утешить,
Приступ этой боли утишить?
Словно в теле поселилась нежить,
И теперь с ней надо как-то жить.

Приступы бессилья и мигрени...
Где Ты, исцеляющий калек?
Плачу, опустившись на колени,
Не могу поднять опухших век.

Или там, на самом дне страдания
Вдруг зажжется, как в ночи звезда,
Полнота любви и пониманья,
Так что Богу горько шепчешь: «Да!»,

Все свои потери и утраты
Вспоминая, тщетные мечты...
Раненые насмерть, как солдаты,
Этой гулкой жизнью я и ты...

* * *

Все старые: и кошка, и крольчиха,
И мы с тобой, и этот бренный мир...
Дожить хотел несуетно и тихо,
Следя, как возраст входит в свой надир.

Но это не закат, а умиранье,
И все острее чувствуешь, сильней,
Чем в юности: как жадная пиранья
Боль сторожит — не уживешься с ней.

Когда-нибудь и Солнце, разбухая,
Испепелит дыханием своим
Планету. — А была ведь неплохая!
Смысл бытия — увы — неуловим.

Смысл бытия всего, что так любимо,
Так драгоценно — и обречено...
И снова повторю: *неуловимо*
Всё то, что с нами было. — Где оно?

* * *

Эта машинка тела
Скоро пойдет на слом...
Ты ли, душа, хотела
Новый уютный дом?

Жалко, нельзя отсюда
Хоть бы одним глазком...
Жизнь — это чудо-юдо,
Образ ее иском.

Но принимай подарок,
Не поджимая губ.
Холоден был и жарок
Мир, неуступчив, скуп,
Щедр, драгоценно-ярок,
Горестен, многолюб.

Я и не знаю даже,
Нужен ли мне другой...
Может быть, там на страже
В самом конце такой
Мрак, что чернее сажу,
И немота, покой?

* * *

Кусочек остался только
От той тропинки, дождями
Размытой, я по которой
Шел утром на электричку
Полвека тому назад.

Мир, в общем, не изменился:
Сидят в своих гнездах йеху
Бетонных, на самолетах
Летают, плетут интриги,
Воюют то там, то тут.
И так пятьдесят столетий
Безвыходно и уныло...

Но можно, закрыв глаза,
Наушники вставив, Баха
Концерт Бранденбургский слушать,
Дорожную дрожь вагона
В сознание своем гася.

Мир, в общем, не изменился:
Шумят над тобою кроны
Разросшихся тополей,
И даже тропинка эта,

Не забранная асфальтом,
Все также комками грязи
Цепляется к башмакам.

Пойдем же навстречу Солнцу!

* * *

Отраднo знaть, чтo все в концe
Концов сгорит в огне,
Что ни улыбки на лице,
Ни жарких слез во сне

Не станет: только бархат тьмы
И звезд холодный взгляд.
А были — не были ли мы...
И время обнулят.

А потому всё, что со мной,
С тобою, с нею, с ним
Случилось, — где-то там, в иной
Реальности. Храним

Лишь эфемернейший живой
Души бесцельный пыл,
В предвечном плане легкий сбой:
Он есть, он будет, был!

НА 88-ЛЕТИЕ А. К.

Две бесконечности, что встали на дыбы...
В конце страны, истории, судьбы
Что видится? Какие манят дали?
Не знаю, но заглядывать за край
Не торопись! Играй, Адель, играй,
Как будто нет ни смерти, ни печали!

* * *

К дню не притронуться... Так с ветки перезрелый
Плод падает — лишь руку протяни.
Метало утро огненные стрелы,
Ночь зажигала льдистые огни

И полдень простирал свой купол синий...
Так что ж я задержаться не могу
Вот в этом свете, в запахе полыни,
В мелькании стрекоз на берегу?

Остановись, мгновенье! Мне не надо
Знать, ты прекрасно было или нет.
Там позади — насколько хватит взгляда —
Томятся тени дней прошедших, лет.

Они, как те попутчики, чьи лица
С трудом во сне припоминаешь лишь.
И что-то не дает остановиться,
И все куда-то падаешь, скользишь...

* * *

В двадцатых числах сентября
Уже осознаешь, что зря
Надеялся на лето.
Оно истаяло, как сон,
Оно пришло со всех сторон —
И вот, пропало где-то.

И утром, выйдя на крыльцо
(Волной холодной в лицо
Упрется ветер свежий),
Увидишь, как желтеет лес,
Как остывает даль небес.
Ах, где ты, лето, где же?

Еще увидимся, поди!
Но только отчего в груди
Тоска такая, словно
Мы расстаемся навсегда:
Не на год вовсе — на года,
Громоздкие, как бревна?

* * *

Им не скрыться от мороза —
Мерзнут ветки, замерев.
Как новокаина доза,
Неба стынувшего зев.

Не переместиться с птичьей
Стаей, тронувшейся вспять,
Не переменить обличий —
Негде шубу, шапку взять.

Потому-то остается
Все принять, смиряя нрав, —
Все, что снегом заметется,
Мертвым сном тебя сковав.

Но под коркой ледяною,
Уходя в анабиоз,
Жизнь храни, чтобы весною
Вновь побег ее пророс.

* * *

Лапчатка не сдается и цветет,
Хоть около нуля уже ночами.
Последних стай разреженный полет
Над головой, и лето за плечами.

Соседи что-то жгут, струится дым
Над яблонями, в сад наш проникая.
И как Улисса пеплосом седым
Мир накрывает Осень-Навсикая.

Когда замерз, когда совсем устал,
Нет сил ни понимать, ни шевелиться.
Как будто временной открыт портал:
Сидишь и смотришь, и минута длится,

И в этой полудреме-полусне,
Как та лапчатка, полнишься своею
Неведомой судьбой... Ты обо мне?..
Пусть грезится Итака Одиссею!

* * *

Тот, кто живет, имеет право
На эту жизнь, на этот мир. —
Мух надоедливых орава,
Комар — зудящий конвоир?

Хватаешься за мухобойку,
С самим собою не в ладу,
Благих намерений постройку
Ломая, к своему стыду.

Но что же делать нам, язвящим
Чужую плоть и плоть свою?
Я перед прошлым в настоящем
Один с раскаяньем стою.

И те, кто нам наносят раны,
И мы, которые им мстим,
Все ж кем-то связаны, желанны.
И неслучайно здесь гостим.

* * *

Сквозь заросли калины — голоса,
Собаки лают где-то за дворами.
Я с палками хожу по полчаса
До завтрака, а также вечерами.

И сумерки сентябрьские длинны,
И солнце остывающее — вяло,
Как будто нет ни смерти, ни войны,
А просто нас от жизни укачало.

Как быть, когда ничем уж не помочь?
Заря кровавит полосу над лесом,
И мир уходит с головою в ночь,
И время наступает псам и бесам.

Какой заслон, какой надежды свет
Твоей душе дадут сопротивляться?
Не знаю... Но шумит листва в ответ,
И начинают звезды вылупляться.

* * *

Октябрьского солнца холодного,
Тускнеющего благодать...
Все отпуска дни безысходного —
За этот последний отдать!..

Когда уже поздно загадывать,
Откладывать на потом,
Найдется чем душу порадовать
В слепящем пространстве пустом

Притихшего сада, что голыми
Ветвями пронизан насквозь.
Он зимними, белыми пчелами
Наполнится скоро, небось,

Чтоб призрачным медом ментоловым
Нам скрасить декабрьские дни,
Залитые тьмою, как оловом.
Ты нынешний помяни!

А. С. ЗАСЛАВСКОМУ

I

Каждый день, как драгоценный слиток,
Солнцем остывающим отлит...
Этот ранней осени убыток
Сладкой грустью сердце веселит.

С каждым взглядом ближе, с каждым вздохом
Эта жизнь дороже, горячей.
Почему-то в юности по крохам
Добираешь радости, ничей,

Никакой... Зато уж напоследок
Преизбытком счастья наделен
Каждый миг: в прозрачной сетке веток
Каждый вяз со мною, каждый клен

Говорит, и облака все ближе,
Краски гуще, запахи сильнее.
Вот, еще чуть-чуть — и я увижу
Нечто там на грани и за ней.

II

Опадающая листва,
Краски яростные картин...
Умиранья и баловства
Искус, нудящий нас, един.

Только надо настроить взгляд:
Мира все хороши дары.
Не об этом ли говорят
Крон осенних, холстов костры?

В их пылании есть покой,
Есть доверие, а к кому...
Разве сможет ответ любой
Исчерпать твои «почему?»

Лучше не называть имен —
В них какая тебе корысть?
Лишь следить, как роняет клен
Листья, как оставляет кисть

След блестящий на полотне,
Уводя за собой туда,
Где в бескрайнем, волшебном сне
Все случается навсегда!

СОДЕРЖАНИЕ

I

«В обитель дальнюю трудов и чистых нег...»	4
«Не болдинские карантинны...»	5
«Так рано никогда нас не встречала дача...»	6
«А на нынешний май на Болонью опять...»	7
«Весь в белой пене тернослив...»	8
«А наутро все было в снегу...»	9
«Ближе к вечеру выйдешь: крыльцо...»	10
«Деревья умирают стоя...»	11

II

«Как славно, что А. С. не ведал интернета...»	12
«Теперь вся красота — в мобильном телефоне...»	13
«Попросился в друзья на фейсбуке...»	14
«Время совсем потеряло вес...»	15
«В твои-то шестьдесят: ни крупных войн, ни страха...»	16
«На полгода здесь мы, на полгода...»	17
Памяти Василия Русакова	19
«Солнце садится на юго-западе...»	20
«Первая бабочка в этом году...»	21
«Нету давно ни праздничных дней, ни будней...»	22
«В своем минутном откровенье...»	23
«Сказали умерла... Наш страховой агент...»	24
«Этой ели, как нашему сыну, уже...»	25

III

«Замыслы вселенского размаха...»	26
«Слежавшееся прошлое мое...»	27
«Может быть, и лето-то последнее...»	28
«Облака, облака... Словно в детстве плывут облака...»	29
«В двадцатых числах августа всегда...»	30
«Восходит позже. На закате...»	31
Вдох-выдох	32
«Вот он, утенок гадкий...»	33
Молитва	34
«Я там был — под покровом наркоза...»	35
«Жить с опухолью там, внутри, как будто тело...»	36
«Умереть на столе под наркозом...»	37
«Бесчувствие? Да... Может быть, и так...»	38
«Как испугались все, как возмутились дружно!...»	39
«Осеннего сада руины...»	40
«Одна лапчатка держится в саду...»	41
«Дни короче, а ночи длиннее...»	42

IV

«Посмотри: там над нами рождаются, гибнут и сходят на нет миры...»	43
«Знакомые запахи с детства — шиповника, флоксов...»	44
«Пятьсот секунд всего от Солнца отделяет...»	45
«До следующих флоксов, маков, астр...»	46
«Там — слишком холодно, там — слишком жар горяч...»	47
«Наконец топиамбур зацвел...»	48
«Дважды за ночь просыпаешься...»	49
«По прогнозам грядут холода...»	50
«Одно мгновение — жизнь. Да что там человека...»	51
«Золотые звезды топиамбура...»	52

V

«Вообще-то то, что ты на грех...»	53
«И даже если невзначай...»	54
«И уже никому-никому-никому...»	55
«За лето так и не притронулся к заветным...»	56
«Постарела, с боков облысела — беда!..»	57
Глядя на картины Анатолия Заславского	58
«На восемьдесят семь что дарят человеку...»	59
«Сентябрь. И опять холодает...»	60
«Бесполезный, унылый сегодня день...»	61
«На позднюю любовь ни времени, ни силы...»	62
«Почему слова то цепляются друг за друга...»	63
«Говорит, что скучно ему. А мне...»	64
«Не сейчас — это значит уже никогда...»	65
«В эфемерной жизни земной своей...»	66
«И если душа — Эвридика...»	67
«Все думал: с кем бы я из той когорты славной...»	68
«За двадцать минут до того, как зуб...»	69

VI

«Как странно, что о счастье ничего...»	70
«Меня оставит дар последним из сокровищ...»	71
«Боже, снова проснулся в пять!»	72
«Нам вечность (что и время самоё изложет)...»	73
«В этом возрасте хочется черт-те чего...»	74
«Держатель неземных сокровищ...»	75
«История как риф коралловый из судеб...»	76
«Из ничего, и как бы ни о чем...»	77
«Кашемировый шарфик — на несколько раз...»	78
«А в самом ли деле духовна...»	79

VII

«Жизнь, как шагреневая кожа...»	80
«Как же, как же, как тебя утешить...»	81
«Все старые: и кошка, и крольчиха...»	82
«Эта машинка тела...»	83
«Кусочек остался только...»	84
«Отрадно знать, что все в конце...»	85
На 88-летие А. К.	86
«К дню не притронуться... Так с ветки перезрелый...»	87
«В двадцатых числах сентября...»	88
«Им не скрыться от мороза...»	89
«Лапчатка не сдается и цветет...»	90
«Тот, кто живет, имеет право...»	91
«Сквозь заросли калины — голоса...»	92
«Октябрьского солнца холодного...»	93
А. С. Заславскому	94

Алексей Геннадьевич Машевский

БЛИЗКОЕ НЕБО

Стихи 2020–2024 годов

Корректор *Л. Н. Николаева*

Подписано в печать 04.12.2024. Формат 70 × 108^{1/32}.

Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro.

Объем 3,125 п. л. Тираж 500 экз.

Заказ № ???

Оригинал-макет изготовлен в ООО «ИПК «КОСТА»

СПб., Новочеркасский пр., д. 58, офис 413,

тел.: (812) 445-10-02

Отпечатано в типографии ООО «ИПК «БИОНТ»

199026, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 86

ISBN 978-5-91258-530-2

9 785912 585302 >